

Российская академия наук
Сибирское отделение
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

И. Р. ГАРРИ

БУДДИЗМ И ПОЛИТИКА
в Тибетском районе КНР
(II половина XX – начало XXI в.)

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2009

УДК 294.3+322

ББК 86.39

Г 212

Ответственный редактор
д-р ист. наук А. М. Донец

Рецензенты:

д-р ист. наук К. В. Орлова
канд. ист. наук Ю. Ж. Жабон
канд. ист. наук Н. В. Цыремпилов

Гарри И. Р.

Г 212

Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.) – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 320 с.

ISBN 978-5-7925-0335-9

Книга посвящена современной истории Тибета со времени его вхождения в состав КНР в 1951 г. по начало XXI в. Автор анализирует «тибетский вопрос», политику КПК в Тибетском районе КНР, борьбу тибетской диаспоры за независимость в тесной взаимосвязи с религией. В работе также рассматриваются сино-тибетский диалог и проблема автономии.

Предназначена для специалистов – историков, востоковедов, религиоведов, а также для всех, кто интересуется историей и духовной культурой Востока.

В издании использованы личные фотографии автора, а также иллюстрации из литературы. Фото на обложке дворца Потала – резиденции Далай-лам Тибета предоставлено М. А. Крупским.

УДК 294.3+322

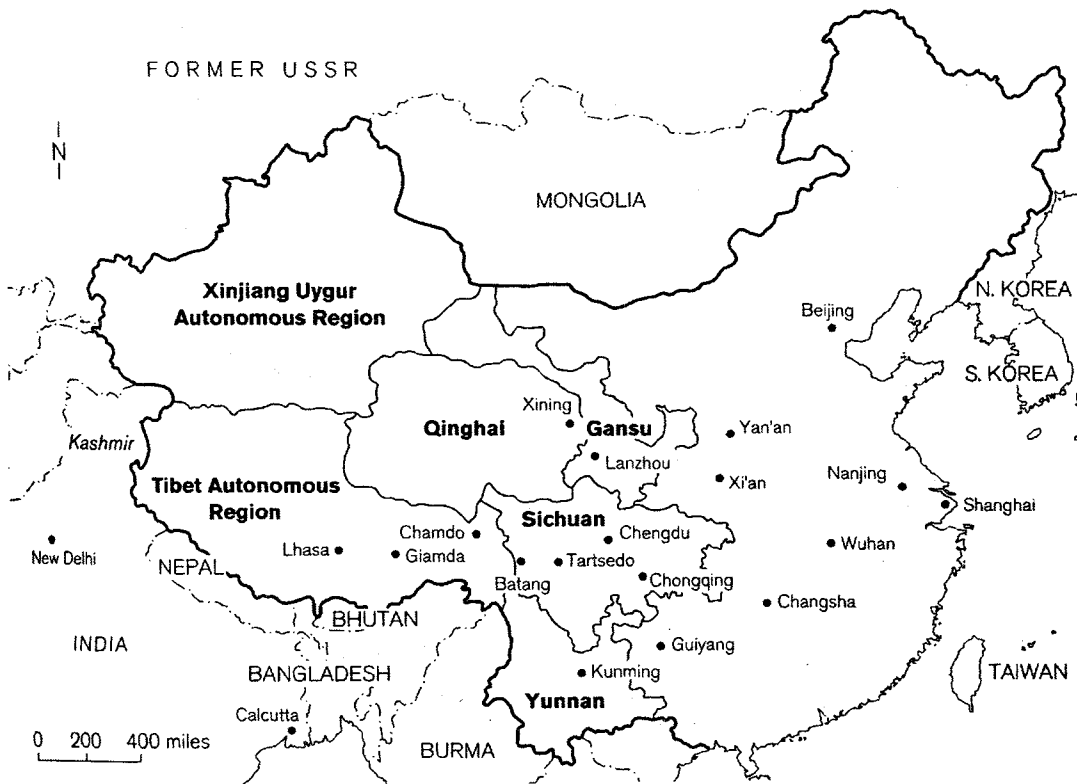
ББК 86.39

© Гарри И. Р., 2009

© ИМБТ СО РАН, 2009

© Изд-во БНЦ СО РАН, 2009

ISBN 978-5-7925-0335-9

Предисловие

До 1959 г. в Тибете существовала уникальная система «единения религии и политики» (тиб. *chos-srid zung-'brel*, кит. *zhengjiao heyi*), в которой буддийская церковь в лице верховного правителя Далай-ламы играла главенствующую роль. Понимание Тибета как государства религиозного являлось основной сутью тибетской национальной идентичности. Религия была средоточием всей культурной и духовной жизни тибетского народа, так как вся тибетская цивилизация, ее философия, искусство, архитектура, медицина, астрология, литература, сугубо религиозные в своей основе, были сконцентрированы и развивались вокруг нее.

После тибетского восстания и бегства Его Святейшества Далай-ламы XIV и его окружения в Индию в 1959 г. буддийская церковь Тибета полностью утратила свое политическое, экономическое и социальное положение. 50 лет прошло, с тех пор как Тибет встал на путь социалистического строительства в рамках унитарного китайского государства. Оказалось ли возможным «великое созидание» на обломках «великого разрушения»? Сейчас Тибет является национальным регионом Китая с одним из самых высоких показателей ВВП, Лхаса предстает в глазах иностранных туристов как современный город, в котором доступны все современные удобства и развлечения. В то же время Тибет продолжает оставаться самым нестабильным регионом КНР, с самым высоким уровнем бедности, самой высокой степенью неравенства в доходах городского и сельского населения и самыми слабыми показателями в области образования. Вряд ли такое положение вещей можно назвать «великим созиданием». При этом главной консервативной силой, препятствующей продвижению реформ в китайском понимании, и главной причиной нестабильности в регионе является религия. Проблеме религии и политики в Тибете, взаимоотношениям религии и политики, государства и буддийской церкви в современный период и посвящена данная работа.

При ее написании были в основном использованы опубликованные источники на китайском и английском языках, архивные материалы, а также личные наблюдения во время нескольких поездок в Тибетский автономный район, тибетские регионы китайских провинций, Индию и Непал. Я постаралась проанализировать самый широкий круг китайских источников, ставших доступными во время моих поездок в Тибет (КНР), Японию и США. Это прежде всего материалы агентства Синьхуа, правовые, правительственные и партийные документы КНР, труды китайских политических деятелей, китайская пресса, научные публикации. Из тибетских источников я использовала автобиографические труды тибетских деятелей, свидетельства беженцев, издания Информационного офиса Его Святейшества Далай-ламы, публикации «Tibetan Review» и «Tibetan Journal», Тибетского молодежного конгресса, Интернет-сайтов тибетской эмиграции, в общем, все доступные источники тибетской диаспоры. Недостаточное владение тибетским языком (изучала самостоятельно) в известной мере ограничило использование источников на тибетском языке. Поэтому, где только возможно, я пыталась использовать доступные переводы на английский и китайский языки. Тибетские источники современного периода, т. е. с 1980 г., в основном представлены на английском языке в публикациях тибетской диаспоры. В КНР ученые-тибетцы занимаются, как правило, специализированными отраслями гуманитарной науки, воздерживаясь от современной тематики, поэтому в этом временном промежутке недостаток источников на тибетском языке не ощущался так остро. В США я смогла воспользоваться изданными правительством Индии дипломатическими нотами между Индией и Китаем (Notes, Memoranda and Letters, 1959–1963), опубликованными документами по внешней политике США, свидетельствующими о взаимоотношениях Тибета и Америки (FRUS), а также мне удалось разыскать в Национальном архиве США (Вашингтон DC) рассекреченные документы ЦРУ по тибетскому вопросу (Central Intelligence Agency, 1951–1959). Надо сказать, что некоторые из этих источников уже введены западными исследователями в научный оборот.

Что касается моих личных наблюдений, то я побывала в Тибетском автономном районе трижды. В первый раз – зимой 1986 г., будучи студенткой-стажером, последний – в 2002 г. Трижды была в этнографическом Тибете, последний раз – осенью 2008 г. в Кхаме (Сычуань) и летом 2009 г. в Амдо (Ганьсу, Цинхай). Это не были поездки, связанные с полевыми исследованиями. Главной целью был сбор материалов, посещение различных районов Тибета и разговоры с людьми. Наблюдения и впечатления, вынесенные мной из поездок, в известной степени определили мое личное понимание проблемы Тибета, которое я попыталась отразить в этой работе. Двадцать с лишним лет, прошедшие со времени моего первого посещения и до последнего, показали огромные изменения во внешнем облике Тибета. Средневековый город Лхаса с массами паломников, приходящими в зимние месяцы на празднование тибетского Нового года Лосар, преобразился в современный город с массами китайских и иностранных туристов. Не только внешние, но и глубокие внутренние процессы в корне изменили облик Тибета. С одной стороны, это несомненные улучшения материальной жизни. С другой, заметная потеря самобытности. Широкие белозубые улыбки бедных, если не нищих, паломников

сменились озабоченным выражением на лицах людей, пытающихся заработать на жизнь. Каким должен быть Тибет – современным обществом, интегрированным по замыслам китайских политиков в современную жизнь огромного государства, или продолжать оставаться в представлениях тибетской диаспоры духовной Меккой буддистов всех стран, – вопрос, на который трудно ответить. Возможно, что истина находится где-то посередине. Старый Тибет, где религия и политика представляли единое целое, уже более не существует. Однако новый Тибет – это по-прежнему страна, где религия продолжает оставаться душой нации, и вряд ли время это может изменить.

В заключение, считаю необходимым сделать несколько замечаний, относящихся к методам, географическим рамкам и целям предпринятого мною исследования.

Во-первых, в своей работе я исходила из реально существующей ситуации, пыталась проанализировать ее и сделать соответствующие выводы. Я полностью согласна с мнением тибетского коммуниста, переводчика и ученого, знаменитого Баба Пунцог Вангьяла, который говорил первой делегации, посланной в Тибет Его Святейшеством Далай-ламой в 1979 г.:

По моему мнению, никакая сторона не должна строить свои аргументы на старых взаимоотношениях, в особенности на аномальных и нецелесообразных. Даже когда мы оглядываемся назад, цель состоит в том, чтобы смотреть вперед, разумно и должным образом исправлять существующие отношения. По моему скромному личному мнению, человек должен концентрироваться на сегодняшней реальной ситуации; не должен принимать желаемое за действительное и поддаваться субъективному воображению, а должен анализировать баланс объективных и субъективных сил; человек не должен быть пристрастным и слепым и переоценивать свои возможности... В общем человек не должен субъективные желания отрывать от жизни и вырывать идеи из реальности¹.

Я также согласна с китайским писателем и ученым Ван Лисюном в том, что бесперспективно оценивать исторические взаимоотношения Китая и Тибета с помощью современных политических и правовых норм (Wang Lixiong, 1998). Эту позицию я постаралась использовать в своей работе в качестве базового методологического принципа.

Во-вторых, под Тибетским районом КНР, или Тибетом в целом, я имею в виду все территории так называемого Большого Тибета (Cholka-Sum) – Уй-Цзан, Кхам и Амдо, или Тибетский автономный район (ТАР) и тибетские автономные округа четырех китайских провинций: Сычуань, Ганьсу, Цинхай, Юньнань. Поскольку тибетские территории были исторически разделены между так называемым политическим Тибетом (территория, управляемая правительством Далай-ламы, сейчас ТАР) и Тибетом этнографическим (Восточный Тибет)², Китай осуществлял по отношению к этим территориям различную политику. В моно-

---

¹ Summary of Talks with Tibetan Exile Delegates // A Tibetan Revolutionary, 2004, с. 325–337.

² Я придерживаюсь деления Тибета на политический (ТАР) и этнографический (Восточный Тибет) вслед за американским антропологом М. Голдстейном.

графии в основном рассматривается политика китайского правительства в отношении Тибетского автономного района, который я называю Тибетом для упрощения. Когда речь идет о Большом Тибете, я это отмечаю отдельно.

В-третьих, во главу угла мы поставили исследование проблемы религии и политики в Тибете, которую считали центральной в тибетском вопросе. Для достижения названной цели оказалось невозможным обойти проблемы экономической, социальной и культурной политики центрального правительства КНР, сино-тибетских взаимоотношений, проблем автономии, тесно переплетенных между собой, так что пришлось фактически писать историю Тибета в современный период, и политики оказалось гораздо больше, чем религии. Я надеюсь, мне удалось показать, что религия продолжает оставаться краеугольным камнем решения политических проблем современного Тибета.

В-четвертых, в работе приводится много цитат. Мне казалось важным показать позиции сторон и мнения специалистов такими, какими они являются с их точки зрения, и в этом я в основном следовала традиции, заложенной западной наукой. Этот метод казался мне оправданным с точки зрения объективности исследования рассматриваемого в данный момент вопроса. Моя же позиция отразилась главным образом в самой подаче материала и постановке вопроса в таком виде, каким он мне представляется.

И, наконец, автор рада возможности выразить глубокую признательность ответственному редактору Андрею Михайловичу Донцу, рецензентам Кееме Владимировне Орловой, Юмжане Жалсановне Жабон и Николаю Владимировичу Цыремпилову, а также главному редактору журнала «Буддизм России» Андрею Анатольевичу Терентьеву за их большую помощь в редактировании и рецензировании рукописи, ценные советы и критические замечания. Моя искренняя благодарность фонду «Обучи-fellowship» Японо-Российского центра молодежного обмена, благодаря которому я начала в 2002 г. изучение современных проблем Тибета, смогла посетить Тибет, Непал и Индию и обзавестись необходимой для исследования литературой, а также фонду «Фулбрайт» Министерства образования госдепартамента США и Институту Кеннана за предоставленную возможность окунуться в безбрежный мир научной литературы по интересующей меня тематике в лучших библиотеках и архивах Америки.

Статуя Чжово Шакьямуни в храме Чжокхан

Введение

Тибетский вопрос: борьба за право представительства (обзор литературы)

Тибет занимает в Китайской Народной Республике и в мире особое место. Одним из доказательств его уникальности является существование так называемого тибетского вопроса. И вопрос этот существует в нескольких парадигмах, в зависимости от чего его трактовка может меняться кардинальным образом. В китайской парадигме тибетский вопрос считается измышлением сепаратистски настроенной тибетской диаспоры и враждебных Китаю сил, в тибетской – проблемой исторического статуса Тибета. Есть также парадигмы тибетского вопроса как «политики реального» (Realpolitik), или проблемы прав человека, экзотической страны мистической духовности (Шангрила), или, наоборот, страны, где распространены деградированные формы буддизма. В основе главных парадигм тибетского вопроса лежит конфликт по поводу статуса Тибета по отношению к Китаю, выражающийся в разных формах, и наиболее ожесточенно – в борьбе за право представительства (representation fight), или, иначе говоря, идеологической борьбе за право представлять тибетский народ и его историю.

Главные оппоненты в этой борьбе – правительство КНР и тибетская диаспора в лице Его Святейшества Далай-ламы XIV и его правительства в изгнании. В задачу данной главы входит анализ тибетского вопроса и его источников в рамках битвы представлений, при этом выяснение исторического, а тем самым, и политического статуса Тибета, выходит за рамки нашей работы. При анализе мнений противоборствующих сторон мы исходили из посылки, что и те, и другие представляют собой особый вид политического мифотворчества, целью которого является не только и не столько выяснение истины, сколько попытка обосновать и оправдать свои претензии на право представлять интересы Тибета на международной арене. Арбитром в споре, где истина толкуется столь по-разному, претендует быть академическая наука. В нашу задачу, следовательно, входил также анализ источников третьей стороны и выяснение того, какие из них наиболее объективны и отвечают потребностям решения тибетского вопроса.

1. Китайские источники

По мнению некоторых исследователей, тибетский вопрос в его нынешнем виде – это западный конструкт, сформировавшийся со времени исхода тибет-

цев за рубежи своей страны³. Он преимущественно основан на построениях тибетской диаспоры, приложившей огромные усилия в конструировании в западном мышлении образа Тибета, его народа и религии. В этом конструкте образ противной стороны в основном строился на мнении диаспоры и представлял собой весьма упрощенный образ агрессора. В условиях холодной войны коммунистическая контрпропаганда Китая едва ли не способствовала этому образу, в результате чего в мире сложилось пренебрежительное отношение к китайским источникам как к грубой пропаганде. В этом параграфе мне хотелось бы расширить сформулированную выше задачу и показать «представления» китайцев с их собственной точки зрения, или, другими словами, представить китайскую тибетологию, основываясь на китайских источниках. Ввиду их многочисленности и неизученности предмета в своем обзоре я ограничилась публикациями по теме своего исследования, а именно: а) освещающими официальную политику китайского правительства; б) посвященными современному положению в Тибете; в) по истории Тибета и г) по буддологической тематике⁴.

По признанию китайских ученых, 30-летний период с 1949 по 1978 г. стал временем фактического застоя тибетологических исследований в Китае. Причиной тому были объективные обстоятельства развития страны в целом, когда научные исследования не только не были приоритетной сферой, но и полностью сошли на нет в результате бесчисленных, сменяющих друг друга политических кампаний. Новости из Тибета поступали в то время в основном в виде сообщений официальной прессы об успехах в области социалистического строительства. Важнейшей задачей тибетологии на тот период был перевод с китайского языка на тибетский основных документов китайского правительства, трудов Мао Цзэдуна и освещение политики партии. Примером такого издания может служить сборник «Документы национальной политики» (тиб.: *Mi rigs srid jus kyü yig cha*, кит.: *Minzu zhengce wenjian*, 1952). Издавалось несколько газет и журналов на тибетском языке, содержание которых также сводилось преимущественно к переводу основных материалов официальной китайской политики. В их числе: «Тибетская ежедневная газета» (*Bod ljongs nyin re'i tshags par*), «Красный флаг» (*Dar dmar*), «Китай в фотографиях» (*Krung do brnyan par*), «Журнал нацменьшинств» (*Mi rigs brnyan par*).

Начав в 1980 г. реформы, руководство Китая осознало необходимость развития науки и, в частности, собственных научных изысканий в области

³ Дибеш Ананд, преподаватель университета г. Бат, Великобритания, к примеру, пишет: «В то время, как некоторые видят тибетский вопрос как внутреннее дело Китая, другие его видят в качестве международного. То, что обе стороны игнорируют, это центральная роль, которую играет Запад в самом конструировании и оформлении спора. Запад, и как политическое действующее лицо, и как воображаемый конструкт, является частью проблемы и главным действующим лицом в определении проблемы» (Anand, 2006, с. 286).

⁴ Обзор основан на публикациях, ставших доступными мне во время поездок в Тибет, и на материалах китайской тибетологической прессы. Многочисленные источники по литературе, культуре, медицине, образованию и т. п. остаются за рамками рассмотрения данной работы, поскольку, безусловно, требуют отдельного углубленного изучения.

тибетологии. Прежде всего были реорганизованы старые и созданы новые структуры в рамках Академии общественных наук КНР, в научно-исследовательских институтах и в системе образования для проведения тибетологических исследований. Основными тибетологическими структурами на настоящий момент стали Тибетская академия общественных наук (Xizang shehui kexueyuan), в которой имеются три института: истории, религии и памятников тибетской письменности; Исследовательский центр китайской тибетологии (Zhongguo zangxue yanjiu zhongxin), Научный центр тибетологии при Центральном институте национальностей (Zhongyang minzu xueyuan zangxue yanjiusuo), Тибетский университет (Xizang daxue), Высшая буддийская академия Китая с факультетом тибетского языка (Zhongguo zangyuxi gaoji foxueyuan), Тибетская буддийская академия (Xizang foxueyuan), научные центры тибетологии Академии общественных наук в провинциях Цинхай, Сычуань, Ганьсу и др. К 1992 г. уже насчитывалось 52 организации подобного рода, в которых работали свыше 200 человек, в том числе более 150 тибетцев; высшее научное звание имели 43 человека, среднее – приблизительно 70 (Zhongguo Xizang, 1992, весенний вып., с. 7). К 1997 г. в тибетологии специализировалось уже более 2 тыс. человек, среди которых 240 имели высшее научное звание (Beijing Review, 1997, vol. 40, № 40, с. 35).

В настоящее время Тибетская академия общественных наук издает журнал «Тибетологические исследования» (Xizang yanjiu), Исследовательский центр китайской тибетологии – «Китайская тибетология» (Zhongguo zangxue), Буддийская ассоциация Тибета (Xizang foxie) – «Тибетский буддизм» (Xizang fojiao), Комитет по охране памятников культуры (Xizang wenguanhui) – «Тибетские памятники культуры» (Xizang wenwu), Комитет по изучению истории и культуры при Политико-консультативном совете Тибетского автономного района (ТАР) (Zizhiqu zhengxie wenshi yanjiuhui) – «Памятники истории и культуры Тибета» (Xizang wenshi ziliao).

Несмотря на обилие созданных тибетологических подразделений, начинать китайским тибетологам приходилось едва ли не с нуля, поскольку мировая тибетология к этому времени ушла далеко вперед. Первыми шагами китайских ученых стал интенсивный перевод с западных языков лучших работ зарубежных тибетологов. С 1979 по 1987 г. Тибетской академией общественных наук были изданы: «Обозрение зарубежных тибетологических исследований 1949–1978 гг.» (Guowai yanjiu, 1979), двухтомник «Избранное из зарубежных тибетологических исследований» (Guowai Zangxue xuanji, 1983), «Зарубежная тибетология» (Guowai Zangxue, 1986), «Избранные переводы из зарубежной тибетологии» (Guowai Zangxue yiwenzhi, 1987).

Помимо реферативных сборников на китайский язык переводились и монографические труды зарубежных тибетологов. Французская исследовательница проф. Х. Стоддарт писала по этому поводу: «Зарубежные авторы, которым приходилось бывать проездом в Пекине, удивлялись тому, что их произведения без их ведома уже переведены на китайский язык. Любопытно, что именно благодаря этим китайским публикациям тибетцы в Тибете узнали об интересе Запада к их цивилизации. По устной договоренности была переведена «Китайская война Индии» Н. Максвелла (Maxwell, 1972), которая была тут

же распродана. И даже протибетская книга Дж. Аведона «В изгнании из Страны Снегов» (Avedon, 1984), переведенная в 1988 г. на китайский, благодаря бюрократической ошибке оказалась в книжном магазине Лхасы и разошлась за два дня, а позже по спекулятивным ценам перепродавалась с рук» (Stoddart, 1994, с. 136).

В числе прочих была переведена книга «Строительство современного Тибета» Т. Грюнфельда (Grünfeld, 1987; кит.: Gelunfu, 1990), были переведены и переизданы в «Сборнике переводов архивных материалов на тибетском языке по истории тибетского общества» (Xizang yuwenji, 1997) архивные материалы из книг Дж. Туччи «Тибетские художественные свитки» (Tucci, 1949) и Д. Шу «Основы тибетского печатного искусства» (Schuh, 1981) и др. В 2001 г. в Пекине вышел трехтомный «Каталог публикаций по китайской тибетологии» (Zhongguo Zangxue shumu, 2001) на китайском/тибетском языках с переводом на английский, насчитывающий сотни наименований книг по всем аспектам тибетологии, изданных к 2000 г. в Китае. Одно только количество публикаций свидетельствует о внимании, которое китайское руководство придает исследованиям Тибета в своей стране, и очевидном прогрессе, совершенном китайскими тибетологами за 20 лет.

А) Руководство Китая придает особое значение изданию документов партии и правительства и многочисленных работ, освещающих официальную политику. Помимо пропаганды успехов социалистического строительства в Тибете данные публикации преследуют цель доказать законность нахождения Тибета в составе КНР в ответ на критику со стороны Далай-ламы и его окружения. В таких работах, как «Основные события из истории КПК в Тибете (1949–1994)» (Zhonggong Xizang, 1995), «Основные события из истории КПК в Тибете (1949–2004)» (Zhongguo gongchandang, 2006), «Избранные документы ЦК КПК по религиозному вопросу» (Zhonggong zhongyang, 1986), «Основные положения КПК в отношении национального вопроса» (Zhongguo gongchandang zhengce, 2002), «Избранные документы по национальной работе нового периода» (Xin shiqi xuanbian, 1990), на основании документов партии и правительства излагаются основные положения национальной политики и описывается путь социалистического строительства в Тибете. К этим работам примыкают труды, поддерживающие официальную точку зрения на историю, общество и религию Тибета. Например: «Новые очерки истории Тибета» Я Ханьчжана (Ya Hanzhang, 1979), «Некоторые вопросы теории национальностей и национальной политики» Ли Вэйхана (Li Weihang, 1980), «Тибет – неотъемлемая часть Китая» (Xizang difang, 1986).

В 1989 г. Издательство китайской тибетологии (Zhongguo Zangxue chubanshe) основало научно-популярную серию «Знания о Тибете» (тиб.: Bod ljongs shes bya'i deb tshogs chung ba), в которой вышли такие брошюры, как: «Обзор тибетской экономики» (Xizang jingji gaishu, 1995), «Тибетские монастыри и монахи» (Xizangde simiao he senglu, 1995), «Религии Тибета и религиозная политика КПК» (Xizangde zongjiao, 1996). Во всех этих работах красной нитью проводится постулат китайской официальной политики о том, что со времен династии Юань Тибет – неотъемлемая часть Китая; отмечается, что после ос-

вобождения Тибета в 1951 г. войсками Народно-освободительной армии Китая в Тибете начался период строительства социализма, принесший широким народным массам освобождение от многовекового крепостного ига; признается, что в период «культурной революции» «бандой четырех» были допущены серьезные ошибки в осуществлении линии партии, однако утверждается, что в целом курс национальной политики партии был правильным.

К публикациям идеологического плана следует отнести и работы, появившиеся в ответ на кампанию интернационализации «тибетского вопроса», инициированную Далай-ламой и его окружением в 1986–1987 гг. В таких работах, как: «Анализ деятельности Далай. Прогресс тибетского общества и упадок сепаратистской группировки» в двух томах (Toushi Dalai, 1997), «Изучение прав человека в Тибете» (Xizang renquan yanjiu, 1999), в серии статей по этому вопросу в журналах «Китайский Тибет», «Beijing Review», «China Reconstructs» и в китайской прессе вопросы прав человека в Тибете и проблемы, связанные с «тибетским вопросом», трактуются с точки зрения официальной линии китайского правительства. Следует признать, что китайские СМИ достаточно полно и адекватно излагают точку зрения противоборствующей стороны, хотя, конечно, дают ей собственную оценку. В перечисленных изданиях широко представлена кампания интернационализации «тибетского вопроса», а заявления Далай-ламы и его западных сторонников (Praag, 1987) приводятся в цитатах.

Б) Работы по современному положению в Тибете, основанные как правило на полевых исследованиях, свидетельствуют о переходе количества публикаций в качество исследований. Исследовательский центр китайской тибетологии и Центр социально-экономического развития ТАР выпустили коллективную монографию «История тибетской экономики» (Xizang jingji jianshi, 1995), «Народонаселение и общество в Китайском Тибете» (Zhongguo Zangzu renkou yu shehui, 1998); по материалам Научного форума по вопросам народонаселения Тибетского района КНР 1992 г. Тибетская академия общественных наук издала коллективную монографию «Голубые анналы тибетской экономики» (Xizang jingji lanpishu, 2002). Этот список можно было бы продолжить.

Среди работ, посвященных современным экономическим и социальным проблемам, большое внимание внутри страны и за рубежом привлекла работа исследователей Института реформ структуры экономики – Ван Сюцяна и Бай Наньфэна «Бедность изобилия» (Wang Xiaoqiang, Bai Nanfeng, 1986), которая в 1991 г. была переведена на английский язык (Wang Xiaoqiang, Bai Nanfeng, *The Poverty of Plenty*, 1991). Институт реформ структуры экономики разрабатывал рекомендации для политики реформ в период Чжао Цзыяна до его отставки в 1989 г. В своей работе авторы дали обстоятельный анализ экономического состояния в отсталых регионах КНР. Основную проблему реформ они видели в том, что ослабление контроля привело в большей степени к возрождению натуральной и потребительской экономики, а не к рыночному производству и потреблению. По мнению авторов, возрождение натуральной экономики, в рамках которой тибетские производители «цепляются за свой домашний скот, достаточный для их потребностей и который никогда не продается, или за свое благополучие, выражающееся в потреблении нескольких сотен килограммов ячьего масла ежегодно», стало нежелательным результа-

том политики реформ 1980-х гг. (там же, с. 167). То же самое верно, по их мнению, и в отношении возрождения традиционной религии, потребляющей экономические ресурсы и укрепляющей традиционный образ жизни. Для решения экономической отсталости требуется расширение китайской рыночной экономики и модернизация. Ключевым предложением Вана и Бая для преодоления отсталости Тибета было развитие туристической индустрии, которая поможет тибетцам воспринять современные ценности мира.

Большой интерес среди современных китайских исследований представляет монография «Исследование социального развития Тибета» (Xizang shehui yanjiu, 1997), изданная Институтом общественных наук и антропологии при Пекинском университете совместно с Исследовательским центром китайской тибетологии под редакцией профессора Пекинского университета Ма Жуна. В ней, в противоположность большому количеству идеологически направленных и весьма тенденциозно освещающих социально-политические и экономические проблемы Тибета работ, дается объективный анализ проблем социального развития региона, основанный на полевых исследованиях, критика внедряемых в Тибете концепций развития, а также предлагаются новые подходы к решению данных проблем. Согласно этому исследованию, сомнительными выглядят широко разрекламированные успехи экономического и социального развития Тибета, так как рост сельскохозяйственного и промышленного производства, доходов населения и объема торговли был достигнут не за счет развития экономики района, а за счет централизованных дотаций, составивших примерно 1 млрд. юаней в год, промышленные, торговые и продовольственные отрасли Тибета убыточны, доходы автономного правительства на 100 % обеспечиваются центром. «Религиозная экономика» (zongjiao jingji) Тибета, по определению китайского социолога Ма Жуна, превратилась в новых условиях в «зависимую экономику» (yilaixing jingji) (Ma Rong, 1997, с. 46).

Проф. Ма Жун (PhD 1987, Brown University, USA) является признанным экспертом по этническим меньшинствам КНР как у себя в стране, так и за рубежом. В 2008 г. Издательство китайской тибетологии опубликовало сборник статей ученого на английском языке под названием «Этнические взаимоотношения в Китае» (Rong Ma, 2008), который можно назвать одним из лучших образцов китайской тибетологии.

Необходимо также отметить работу Чжампэла Гьяцо «Великий мастер Панчен» (Jiangbian Jiasuo, 1989). Книга проф. Чжампэла Гьяцо является наиболее полным изложением биографии Панчен-ламы, в которой освещены многие неизвестные страницы современной истории Тибета. Чжампэл Гьяцо впервые познакомился с Панчен-ламой в 1952 г., был переводчиком у Далай-ламы и Панчен-ламы в 1954 г. в Пекине, переводчиком Панчен-ламы вплоть до 1962 г. Он же был одним из переводчиков Петиции Панчен-ламы. Чжампэл Гьяцо часто встречался с мастером и имел с ним продолжительные беседы до и после его освобождения из тюрьмы. Вскоре после выхода книги в связи с известными событиями на площади Тяньаньмэнь и в Тибете она была изъята из широкого обращения. Я смогла познакомиться с книгой в библиотеке Конгресса, где она находится в свободном доступе.

Значительным явлением интеллектуальной мысли современного Китая можно назвать труды китайского писателя и ученого Ван Лисюна, независи-

мого исследователя из Пекина. Издательство «Миррор» (Mirror, кит. Mingjing) опубликовало его книгу «Желтая беда» (Huanghuo), вызвавшую ошеломляющий интерес у публики. Она стала бестселлером в Гонконге, на Тайване и за рубежом и огромными подпольными тиражами издается в КНР. В 1998 г. в этом же издательстве вышла его книга «Небесное погребение: судьба Тибета» (Wang Lixiong, 1998), привлекающая не меньший интерес публики. Автор книги с 1984 г. скитался на плоту по реке Хуанхэ в тибетских районах Цинхая. До ее написания он 10 раз побывал в Тибете, а также во всех тибетских регионах Цинхая, Сычуани, Ганьсу и Юньнани в течение в общей сложности 15 лет. По его словам, он написал эту книгу «из-за любви к Тибету». Кроме того, долгое время он занимался исследованием моделей политической системы Китая, в которой тибетский вопрос, представляющий проблемы нацменьшинств, занимает, по его мнению, очень важное место⁵. В «Небесном погребении» автор утверждает, что модернизация Тибета потерпела неудачу, поскольку была привнесена извне, без желания людей и без учета их культуры, а экономика Тибета не стала самообеспечивающей, поскольку единственной движущей силой ее развития явились огромные субсидии центра. Целью строительства дорог, к примеру, было не столько экономическое развитие, сколько создание так называемой стабилизирующей группы (wending jituan) ханьцев-администраторов армии и небольшого количества тибетских кадров, для которых и перевозились товары. Более того, развитие Тибета в основном концентрировалось на показательных проектах в городах, результатом чего стала резкая поляризация тибетского общества. Тибетские кадры стабилизирующей группы, по мнению автора, принадлежат к партии и правительству и не хотят возвращения Далай-ламы, боясь потери своих привилегий.

Говоря о Ван Лисюне, нельзя не сказать о его супруге – известной тибетской писательнице Восер⁶. В интервью Намло Як, другому тибетскому писателю, данному в 2006 г., Восер в числе прочих проблем очертила возможности самовыражения инакомыслящих авторов в КНР. Восер говорит, что поскольку она является тибетским автором, пишущим по-китайски, у нее больше возможностей публиковаться в Китае, чем в Тибете, где всего несколько издательств строго контролируются государством. Она говорит, что хотя в самом Китае и существует строгая система контроля, из-за обширности страны и огромного количества издательств, всегда возможно найти «какое-нибудь пространство» для выражения правды. В настоящее время Тибет и его культура стали чрезвычайно популярными в Китае, и все, что пишется о Тибете, проходит через государственный контроль. Но лазейки все же существуют, благодаря чему она смогла опубликовать в 2004 г. книгу «Темно-красная карта». Она пишет, что материковый Китай – не единственное место, где можно опубликовать книгу на китайском языке. В 2006 г. она опубликовала три книги на Тайване, две из которых посвящены «культурной революции» в Тибете.

---

⁵ Мы подробно остановимся на работе Ван Лисюна по модели тибетской автономии в 7-й главе данной монографии.

⁶ К сожалению, в моем распоряжении не имеется ее трудов. Информация приводится по: Diagnosing the Current Situation in Tibet. Interview with the Tibetan author Woenser // <http://www.tibetinfonet.net>.

Из слов Восер и публикаций Ван Лисюна видно, что литература инакомыслящих доходит до заинтересованного читателя в КНР, и эта тенденция становится все более заметной. Кстати заметить, что Ван Лисюн и либерал Лю Сяобо возглавили группу из 29 китайских диссидентов, подписавшихся под открытым письмом китайскому руководству 22 марта 2008 г., в котором они призывали Пекин к диалогу с Далай-ламой.

В) Без преувеличения большим достижением тибетологических исследований КНР можно назвать публикацию тибетских исторических источников. К 1989 г. было издано свыше 200 источников общим тиражом свыше 1 млн. экземпляров (*Zhongguo Xizang*, 1990, зимний вып., с. 62). Среди них известные исторические хроники: «Красные анналы» Цалпа Кунга Дорже (написаны между 1346–1363 гг.) (*Tshal pa kung dga' rdo rje*, 1981), «Голубые анналы» Голоцзавы Шоннупэла (1432–1481) (*'Gos lo tswa ba*, 1984), «Светлое зеркало царских родословных» Сакья Сонам Гьялцэна (написана в 1328?) (*Sa skya bsod nams rgyal mtshan*, 1982), «История Китая» (*Rgya nag chos byung*, 1983), «История клана Лан» Лан Чанчуб Дрэкола (963–1076) и Пхагмо Дупа Чанчуб Гьялцэна (1302–1373) (*Rlangs byang chub 'dre bkol*, 1986), терма (захороненный клад) «Пять сказаний», открытая Ургьен Линпой (1329–1367) (*U rgyan gling pa*, 1986) и др. Опубликованы также редкие или ранее недоступные за пределами Тибета источники, например, самая ранняя тибетская хроника «Башед» Ба Салнана (VIII в.; окончательное составление – XIV в.) (*Sba gsal snang*, 1980), «Великая хроника Китая и Тибета» Тагцан Дзонпа Палчжор Сампо (1434) (*Stag tshang rdzong pa dpal 'byor bzang po*, 1985), «История, написанная ученым Дэу» (XII в.) (*Lde'u chos 'byung*, 1987), «Жития ученых Миньяга» (XIII–XIV вв.) (*Mi nyag mkhas dbang lnga'i rnam thar*, 1987), «История буддизма» Ньянрал Нима Одсэра (1124–1192) (*Nyang ral nyi ma 'od zer*, 1988), «История буддизма» Ярлун Чжово (XIV в.) (*Yar lung jo bo*, 1988), «История буддизма» Сумба-кханбо Ешей-Балчжора (1704–1788) (*Sum pa ye shes dpal 'byor*, 1992) и др.

Под редакцией китайского тибетолога Ван Яо издан с микрофильмов библиотеки Пекинского университета каталог коллекции П. Пеллио тибетских источников из Дуньхуана (*Dunhuang mulu*, 1999). Опубликован перевод Хуан Буфана и Ма Дэ с тибетского на китайский Дуньхуанских рукописей по ранней истории Тибета (Тубо) (*Dunhuang wenxian yizhu*, 2000). Исследовательский центр китайской тибетологии издал 7 томов архивных документов (3247 единиц) по истории взаимоотношений Тибета и центрального правительства Китая в периоды династий Юань, Мин, Цин и Китайской республики (*Yuan yilai ziliao huibian*, 1994). На основании этих источников под редакцией Чжао Сюэи был издан сборник архивных документов по истории управления Тибета центральным правительством и института тулку⁷, начиная с периода Цин (*Qing yilai shiliao huiji*, 1996).

Кроме этих фундаментальных публикаций, имеющих отчасти и идеологическую направленность, разными издательствами выпущены каталоги архивных документов, например: «Каталог архивных документов по Тибету и тибет-

⁷ Тулку – обозначение священнослужителей, которые считаются перерожденцами буддийских святых и видных религиозных деятелей.

ским делам, хранящихся в 1-м Историческом архиве КНР (маньчжурская и тибетская части)» (Zhongguo Xizang dang'an mulu, 1999), «Каталог архивных материалов по Тибету и тибетским делам, хранящихся в провинции Ганьсу» (Gansu mulu, 1997).

Для исследования современной истории Тибета наибольший интерес представляет серия «Материалов по культуре и истории Тибета» (SCHT), издаваемая под эгидой Народного политико-консультативного совета Китая. С началом периода реформ в Лхасе была создана специальная группа по изданию «Материалов». Бывшим чиновникам тибетского правительства, членам аристократии и религиозным деятелям было предложено написать на платной основе мемуары о своей деятельности. Кроме тибетцев мемуары написали и высокопоставленные китайские чиновники, их воспоминания были переведены на тибетский язык. Первый том, выпущенный в 1982 г., находился в ограниченном пользовании (neibu). С 1982 по 1998 г. было выпущено 20 томов материалов, каждый из которых составлял около 300 страниц.

Ставшие доступными в результате публикации редкие источники, равно как и уже издававшиеся наиболее известные труды, составили солидную базу для углубленного исследования малоизученных областей тибетской истории как для китайских ученых, так и для зарубежных тибетологов. Один из наиболее известных тибетских ученых, тулку монастыря Линчжи, профессор Тибетского университета, геше-лхарамба⁸ Дункар Лосан Принлэ (род. 1927), написал книгу «Тибетская теократическая система единения религии и политики» (тиб.: *Dunkar Losang Prinlas*, 1981; кит: *Dongxia Losang Chilie*, 2001), которая была также издана на английском языке. Он участвовал в издании «Большого тибетско-китайского словаря», «Истории дворца Потала», являлся автором «Хронологических таблиц истории китайско-тибетских сношений», «Истории дворца Потала и монастыря Дрепун», «Междоусобной борьбы тибетских религиозных сект», «Поэтики», «Изучения тибетских каталогов», «Тибетского образования» и других работ (Zhongguo Xizang, 1991, осенний вып., с. 40). На тибетском языке были изданы: «Избранные тексты по истории Тибетского района КНР» (*Krung go'i bod sa gnas ky'i lo rgyus*, 1986), «Ясное зеркало истории» (*Deb ther kun gsal me long*, 1987) под редакцией Пунцог Церина, излагающее историю Тибета в период с Ярлунской династии по времена Далай-ламы XIV и доказывающее, что Тибет является частью Китая, три тома «Общей истории Тибета» под редакцией Чапай Цедаин Пунцога (*Xizang tongshi*, 1996).

За период с 1996 по 2000 г. на тибетском языке были изданы «Тибетская цивилизация периода Шан-Шун» Нгавана Гьяцо (*Ngag dbang rgya mtsho*, 1988), «История древних династий Шан-Шуна и Тибета» известного тибетского ученого, живущего в Италии, Намхая Норбу Римпоче (*Nam mkha' nor bu*, 1996). Интерес представляют исследования по истории тибетских регионов: «Исследование происхождения этнических групп Страны Снегов» Чабга Тацэна (*Chab 'gag rta mgrin*, 1999), коллективная монография «История Нгари» (*Mnga' ris lo rgyus*, 1996), двухтомник «Краткая история верхнего Кхама» Данма

⁸ Геше – ученое звание в тибетской традиционной системе образования, соответствующее доктору философии. Лхарамба – высшая степень звания геше.

Чжамьян Цультама (Ldan ma 'jam dbyangs tshul khirms, 1995), «Краткая история уезда Амдо» Норсама (Nor bsam, 1999), «История рода Гарццецо» Цуло (Tshul blo, 1996), «Краткая история рода Ваншидэ» Ньенагпа Варэ (Nwa nag pa ba res, 1996), «История глав уезда Чонэ» Гонпо Вангьяла (Mgon po dbang rgyal, 1997), «История рода Канчаг» Гьяпо и Цультама (Rgya po, Tshul khirms, 1996), «История Ронпо» Ронпо Лхагьялпал (Rong bo lha rgyal dpal, 1988).

Среди множества работ по истории Тибета на китайском языке выделю следующие: «История тибетского народа» Хуан Фэньшэна (Huang Fensheng, 1985), «Биографии Далай-лам» Я Ханьчжана (Ya Hanzhang, 1984a), сборник статей Центра китайской тибетологии «Исследования по истории и религии Тибета» в двух томах (Zangzu lishi zongjiao yanjiu, 1996), сборник статей Шераб Нимы «Исследование новой истории Тибета» (Xirao Nima, 2000), коллективная монография, изданная Исследовательским центром китайской тибетологии, Тибетской Академией общественных наук и Центральным институтом национальностей под редакцией Дорже Цайдана «Общественная формация феодальной крепостной системы Тибета» (Xizang shehui xingtai, 1996), «Религия и политика в период Тубо» Ши Шо (Shi Shuo, 2000), «История управления Тибетом в периоды Мин и Цин» Гу Цзучэна (Gu Zucheng, 1999), «Династия Цин и Тибет» Чжао Чжичжуна (Zhao Zhizhong, 2000).

Такие публикации, как «Англия, Россия и Китайский Тибет» (Yingguo, Eguo yu Zhongguo Xizang, 2000), «Исторический статус Китайского Тибета» под редакцией Ван Цзявэя и Нимы Гьялцэна (Zhongguo Xizangde lishi diwei, 1997), имеют ярко выраженный идеологический характер. Любопытно отметить, что политической историей Тибета, в особенности новым и новейшим периодами, занимаются, как правило, ханьцы, а специализированными отраслями тибетской истории – преимущественно тибетцы.

Китайские ученые очень внимательно следят за зарубежными исследованиями по Тибету и рецензируют каждое наиболее значимое с точки зрения политики исследование. Фундаментальными трудами по политической истории Тибета признаны в мировой тибетологии работы непосредственных участников современной политической истории Тибета, таких, как известный член правительства Далай-ламы XIV Ц. Шакабпа (Shakabpa, 1967) и представитель британской миссии в Тибете Х. Ричардсон (Richardson, 1984). На их труды китайская пресса откликнулась многочисленными критическими статьями, а по поводу работы Ц. Шакабпы вышла даже специальная книга под названием «"Политическая история Тибета" Шакабпы и историческая правда о Тибете».

Книгу известного американского антрополога М. Голдстейна «История современного Тибета, 1913–1951» (Goldstein, 1989) можно отнести к разряду самых блестящих работ по современной политической истории Тибета. Знаменательно, что китайская критика очень высоко оценивает труды ученого, несмотря на поддержку М. Голдстейном в его фундаментальном труде точки зрения де-факто независимости Тибета в рассматриваемый период. Отдавая дань традиции критического отношения к трудам зарубежных ученых, автор рецензии Ван Яо отмечает лишь недостаточное знание М. Голдстейном китайской истории и языка, по его мнению, не позволившие ученому понять глубинные причины описываемых им событий (Zhongguo Xizang, 1993, зимний

вып., с. 59–61). М. Голдстейн стал первым зарубежным ученым, которому было официально позволено проводить полевые исследования в Тибете. Прожив бок о бок с кочевниками Западного Тибета 16 месяцев (с июня 1986 г.), он написал книгу «Номады Западного Тибета», изданную на английском и китайском языках (Goldstein, 1990). В числе первых зарубежных ученых он стал участником тибетологических конференций, проводимых в КНР.

Большим подспорьем в исторических исследованиях являются словари. Национальное издательство Китая было награждено государственными премиями за издание «Большого тибетско-китайского словаря» (Bod rgya tshig mdzod chenmo / Zanghan dacidian, перв. изд. 1993), «Словаря английских и тибетских параллелей», «Краткого словаря тибетской медицины» (Zhongguo Xizang, 1992, весенний вып., с. 13). «Большой тибетско-китайский словарь» переиздается огромными тиражами, он стал доступен и за пределами Китая. По моему мнению, это самый полный толковый словарь тибетского языка из всех ранее изданных в Китае и за рубежом.

Г) Тибетскую цивилизацию можно с полным основанием назвать буддийской, поскольку ее философия, искусство, архитектура, медицина, литература развивались под влиянием этой религии. Средневековая тибетская литература была в первую очередь буддийской, поэтому буддологические исследования связаны фактически с изучением всей совокупности богатейшей письменной традиции Тибета. Вуддологические исследования важны не только и не столько с академической точки зрения, сколько с точки зрения сохранения буддийской традиции народа Тибета, для которого буддизм, по выражению известного тибетского ученого С. Кармая, стал символом национальной идентичности (Karma, 1994, с. 14).

Возрождение тибетского буддизма и традиционной системы буддийского образования в Тибете – тема отдельного рассмотрения (глава 6), здесь же остановлюсь на буддологических исследованиях, проводимых в академической и образовательной структурах КНР. В 1981 г. в рамках Тибетской академии общественных наук создан Тибетский институт религий, в 1984 г. – факультет буддологии и кафедра религии при Тибетском университете. В 1983 г. под эгидой Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации открыт Тибетский институт буддизма. В 1987 г. Панчен-ламой была образована в Пекине Высшая буддийская академия для тибетских тулку. Тибетские монахи обучаются также в Институте религий при Китайской академии общественных наук и в Институте Южной Азии при Пекинском университете. В 1981 г. после 15-летнего перерыва вновь открылось Тибетское отделение Китайской буддийской ассоциации. Религиозными образовательными структурами среди них являются Тибетский институт буддизма и Высшая буддийская академия Китая.

Тибетский институт буддизма – самая крупная среди 39 высших религиозных организаций страны. Срок обучения в нем составляет 10 лет. В курс обучения входят традиционные дисциплины тибетского монастырского образования, включающие изучение буддийского канона по «5 большим и 5 малым наукам» (70 % занятий), а также культура Тибета (20 %), политические занятия (10 %), китайский и английский языки.

Открытая Панчен-ламой в 1987 г. Высшая буддийская академия Китая предназначена для обучения тибетских тулку. Студенты обучаются традици-

онным буддийским дисциплинам, а также традиции своей собственной школы, а по окончании обучения возвращаются в свои монастыри. В период с 1987 по 1992 г. институт окончили 170 человек (Beijing Review, 1992, vol. 35, № 48, с. 22).

В сфере академической науки необходимо отметить большую работу, проведенную тибетологическими научно-исследовательскими институтами, в первую очередь по изданию канонических буддийских произведений. Государство выделяет на это солидные бюджетные ассигнования. В 1982 г. Госсовет КНР утвердил издательский комитет по изданию буддийского канона на китайском языке, в 1992 г. в Исследовательском центре китайской тибетологии был создан комитет по изданию буддийского канона на тибетском языке. С 1994 по 2007 г. Центр китайской тибетологии опубликовал 124 тома критического издания тибетского Данчжура (1994–2007), каждый из которых имеет в среднем от 1100 до 1500 страниц (Bstan 'gyur). С 2006 по 2008 г. было выпущено 108 томов Ганчжура (Bka' 'gyur). Грандиозная работа по опубликованию всего корпуса тибетского буддийского канона сопровождается также выпуском в большом количестве сочинений буддийских мыслителей Индии и Тибета, например: «Основы Тантры – Бодхисаттва Виная и Тантраяна Виная» Цзонхавы (Rje tsong kha pa, 1999), «Детальный комментарий на Мадхьямика-карика» Нагарджуны (Dpal mgon 'phags pa klu sgrub, 1988). Издаются и современные исследования ученых по самым различным аспектам тибетского буддизма: «Учение различных школ тибетского буддизма и тантрийский буддизм» Ли Вэйцяня (Li Weiqian, 1997), «Тибетский буддизм» под редакцией Хун Сюэ (Zangchuan fojiao, 1996) и др.

Согласно китайской прессе, в стране ежегодно проводится по несколько конференций и семинаров по проблемам тибетологии различного уровня. В 1991 г. в Лхасе и Пекине были проведены международные тибетологические конференции. Делегации китайских ученых участвуют почти во всех тибетологических конференциях за рубежом. Делегация китайских тибетологов в 1992 г. впервые официально участвовала в VI семинаре международной ассоциации тибетологических исследований – самой престижной международной конференции, организуемой международной ассоциацией тибетологических исследований. По словам участников, доклады членов китайской делегации вызвали большой интерес к тибетологическим исследованиям в Китае. В 2006 г. я с коллегами участвовала в XI семинаре международной ассоциации тибетологических исследований, который проходил в Бонне. Впервые в его работе самой большой стала делегация из КНР, представленная 85 учеными, религиозными деятелями и служащими органов различных структур, подавляющее количество из которых были тибетцами⁹.

В июле 2001 г. в Пекине под эгидой Исследовательского центра китайской тибетологии и Тибетской академии общественных наук был открыт «Пе-

⁹ По сравнению с китайской, делегация тибетской эмиграции выглядела более чем скромно как по количеству, так и по внешнему виду. Тибетская делегация из КНР выглядела очень эффектно, казалось, что тибетцы соревнуются друг с другом по качеству и изяществу своих нарядов. Одна ученая-тибетка из Индии сказала: «У нашего правительства нет средств, как у Китая, чтобы посылать за границу такое количество людей для участия в конференциях».

кинский семинар тибетологических исследований-2001» на тему «Тибет вчера, сегодня и завтра». В нем участвовали 183 человека, в числе которых были 154 ученых из всех районов Китая, Гонконга и Тайваня, а также 29 ученых из Америки, Канады, Австрии, Англии, Франции, Германии, России, Голландии, Непала, Японии и Южной Кореи (*Zhongguo Xizang*, 2001, зимний вып.; 1992, осенний вып.; 2001, № 3). Следующий семинар был проведен в октябре 2008 г.¹⁰ На семинаре было заявлено 219 участников, в том числе 39 зарубежных ученых из России, Америки, Японии, Германии, Австрии, Канады, Тайваня, Великобритании, Франции, Венгрии, Италии, Нидерландов. Я участвовала в работе секции I «Социальные и экономические исследования», на которой обсуждались, пожалуй, самые щепетильные, с точки зрения современной ситуации в Тибете, вопросы. Показательно, что на секции были заявлены доклады крупнейшего эксперта по тибетскому вопросу – американского антрополога Мелвина Голдстейна¹¹ и известного канадского тибетолога-экономиста Эндрю Фишера. Выступление Э. Фишера, пытавшегося доказать, что экономическое развитие Тибета привело к маргинализации основной части тибетского населения, встретило со стороны китайской аудитории весьма неоднозначную реакцию. Однако критика, прозвучавшая в адрес докладчика, не выходила за рамки научной дискуссии и была позитивно воспринята канадским ученым¹².

Таким образом, можно с уверенностью говорить о бурном развитии тибетологических исследований в Китайской Народной Республике, которое происходит при непосредственной поддержке со стороны государства. Думается, что при постепенном преодолении тенденции идеологического диктата, расширении исследовательской базы, участии перспективных ученых в выработке отвечающих духу времени концепций развития Тибета тибетологические исследования в КНР выйдут на принципиально новый уровень.

А теперь вернемся к китайской парадигме тибетского вопроса. Она существует на трех уровнях: официальном, интеллектуальном и массовом. Можно

---

¹⁰ 2008 год оказался для Китая годом больших вызовов. Проведению Олимпийских игр предшествовали массовые волнения в тибетских регионах и страшное землетрясение в Сычуани. Было отменено проведение в июле 2008 г. в Куньмине XVI международного конгресса по антропологическим и этнологическим наукам (*International Congress on Anthropological and Ethnological Sciences*), на котором предполагалось участие более 2 тыс. ученых-антропологов со всего мира. Отмена столь масштабного мероприятия, к которому китайские ученые готовились с 2003 г., – событие, выходящее за рамки обыденности в Китайском государстве, и несомненно связанное с приближающимися Олимпийскими играми и событиями в Тибете. В этих условиях проведение Пекинского семинара тибетологических исследований также ставилось под сомнение многими учеными-тибетологами. Однако семинар состоялся, и, по оценкам как китайских, так и зарубежных ученых, состоялся весьма успешно.

¹¹ М. Голдстейн не смог приехать на семинар, как и многие другие зарубежные участники. Это было в основном связано с трудностями получения китайской визы в связи с проведением Олимпийских игр.

¹² По словам Э. Фишера, его книга «*State Growth and Social Exclusion in Tibet*» (Fischer, 2005) переведена на китайский язык и находится в ограниченном использовании (*neibu*).

сказать, что для всех трех уровней характерно понимание Тибета как части Китая, однако, когда дело касается более частных вопросов истории, культуры, религии, то существуют различные трактовки. Скажем, ученые-исследователи не столь категоричны, как официальный Пекин, в утверждении того, что Тибет являлся частью Китая начиная с династии Юань (1279–1368). Среди трех уровней основополагающим является официальный. Он основан на концепции единого Китая, которым на протяжении тысячелетий правили сменяющиеся династии различных этносов единой семьи народов Китая. В отношении Тибета утверждается, что начиная с Юань Тибет всегда находился в той или иной формальной зависимости от центрального правительства, руководящего в данный промежуток истории Китаем. Понимание Тибета как части Китая в новейшее время было унаследовано от Цинов республиканцами и от них перешло к коммунистам. Однако притязание Китая на Тибет утратило свою формальную легитимность с падением Цинской империи. Правительство республиканского Китая (1911–1949) не смогло ее подтвердить, но несмотря на это, продолжало считать Тибет своей частью, хотя сам Тибет в этот период считал себя независимым государством. Правительству коммунистического Китая удалось инкорпорировать Тибет в состав КНР на основании письменного Соглашения из 17 пунктов, с момента подписания которого Тибет официально стал частью Китая.

Построение образа «китайского Тибета» (*Zhongguo Xizang*), как, впрочем, и «независимого» в видении диаспоры, основывается на упрощенных символах, с помощью которых обосновывается утверждение о том, что Тибет является частью Китая. Согласно официальной пропаганде, старый Тибет был воплощением жестокого режима крепостников, народно-освободительная армия Китая освободила его и принесла тибетскому народу счастье и процветание. Результатом подобного упрощения явилось то, что, по словам тибетского исследователя Ц. Шакьи, можно назвать «отрицанием истории» – «процессом, который обязательно влечет за собой отрицание ответственности» (Shakya, 1999, с. xxviii).

В целях пропаганды официальной точки зрения в КНР в СМИ было запущено огромное количество телевизионных и радиопрограмм, массовыми тиражами издаются популярные статьи и книги, в которых освещаются проблемы Тибета. Ни одна национальность Китая не имела такого внимания со стороны государства. Результатом кампании стал большой интерес к Тибету со стороны этнических китайцев, о чем свидетельствует, в частности, туристический поток, хлынувший туда, далеко превзошедший по количеству зарубежный. В кампании популяризации Тибета самым важным компонентом, пожалуй, можно назвать его изучение академической наукой Китая и независимыми исследователями-ханьцами. В КНР была создана сеть научно-исследовательских центров, нацеленных на изучение Тибета, организованы конференции и симпозиумы, на которые приглашаются зарубежные ученые, китайские тибетологи принимают участие в зарубежных конференциях. Надо сказать, что кампания приносит свои плоды, и официальный образ «китайского Тибета» принимается в целом по всей стране.

Что же касается внешней контрпропаганды китайского правительства, то трудно не отметить ее некомпетентность. Беспрестанное повторение тезиса

«Тибет является частью Китая», поношение Далай-ламы и его «клики», изображение старого Тибета в виде общества с изуверскими обычаями, непомерное восхваление деяний партии и правительства – все это вкупе с грамматическими и орфографическими ошибками вызывает у внешней аудитории реакцию, обратную задуманной цели. Особое отторжение вызывают нападки на Далай-ламу, пользующегося огромной популярностью в мире. Китайское правительство наняло в США несколько фирм, специализирующихся по связям с общественностью, в том числе и скандально известную фирму Хилла и Ноултона, для того чтобы они представляли Китай по разным вопросам, включая тибетский. «По крайней мере, относительно Тибета фирма провалилась самым жалким образом», – пишет Т. Грюнфельд (Grunfeld, 2006, с. 340)¹³.

Итак, символами политического мифотворчества Китая можно назвать изображение старого Тибета в виде «ада на земле», объединительную и цивилизаторскую миссию Китая, освобождение тибетских масс от крепостного ига, развитие и прогресс современного Тибета. Эти символы по сей день формируют образ Тибета в китайском представлении. Но наметившаяся тенденция непредвзятого исследования тибетских проблем позволяет надеяться на постепенное изменение этого стереотипа.

2. Тибетские источники

Среди большого количества тибетцев, эмигрировавших в 1959 г. в Индию и другие страны, было много лам, тулку и высокообразованных монахов, составлявших цвет буддийской учености. Благодаря их усилиям, из страны было вывезено огромное количество тибетских рукописей и ксилографов – богатейшего письменного наследия народа. С помощью ведущих западных университетов начался кропотливый труд по переводу и изданию этих источников. Так за рубежами Тибета произошел бум тибетологических исследований, рост интереса к Тибету и распространение тибетского буддизма на Западе.

Под тибетскими источниками мы главным образом понимаем эти источники тибетской диаспоры, с изучения которых началось развитие зарубежной тибетологии. Что касается тибетского вопроса, то я выделила бы следующие категории источников: мемуарные (автобиографические), свидетельства беженцев и, так сказать, «источники из Дхарамсалы», к которым я причисляю издания Информационного офиса Его Святейшества Далай-ламы, публикации «Tibetan Review» и «Tibetan Journal», Тибетского молодежного конгресса, Интернет-сайтов тибетской эмиграции. Это в большей степени собирательный (обобщенный) тип. Мнения внутри этой категории могут сильно различаться, а объединяет общий подход к решению тибетской проблемы. Большинство этих изданий не требуют специального представления, так как доступны широкому

---

¹³ За 5 тыс. дол. ежемесячной оплаты плюс расходы Hill & Knowlton обязывались проводить мониторинг Конгресса, давать советы по связям с общественностью, проводить медиа-мониторинг, «обеспечивать поддержку во избежание негативных последствий сино-американских взаимоотношений», «улучшать имидж Китая в целом», «рекрутировать и организовывать союзников с третьей стороны» и «отвечать на упорную критику». U. S. Department of Justice, Foreign Agents Registration Unit, Registration № 3301, May 10, 1992. (цит. по: Grunfeld, 2006, с. 349).

кругу читателей по всему миру, в том числе и в нашей стране. Поэтому я не ставила целью «перебрать» все имеющиеся источники, даже простое их перечисление заняло бы немало времени и места, а хотела бы выделить наиболее репрезентативные и на их основании представить тибетский вопрос таким, каким он видится на основании источников из Дхарамсалы.

К мемуарным источникам я причисляю книги Его Святейшества Далай-ламы, членов его семейства, тибетского правительства, представителей аристократии и религиозных кругов, описывающих их жизнь и борьбу в Тибете и за его пределами. Эти книги являются ценнейшими источниками информации, так как их авторы были непосредственными участниками тех или иных событий современной истории Тибета. По этим работам мир узнал о тибетцах и их борьбе за свободу и независимость, которая вызвала искреннюю симпатию к тибетскому вопросу и большой интерес к культуре и религии Страны Снегов. Можно сказать, что эти работы объединяют в целом такие мощные символы, как представление старого Тибета в виде гармоничного общества, где процветала религия, между высшими и низшими царило согласие, а экономика была самодостаточной для удовлетворения нужд населения; незаконный характер китайского нашествия, принесший разрушение их традиционного уклада жизни, несчастья и хаос; справедливая борьба тибетского народа за свободу и независимость.

Говоря об этих источниках, нельзя не коснуться самого феномена тибетской диаспоры, который трудно переоценить. Наверное, никто не может это сделать лучше Его Святейшества Далай-ламы. Подводя итоги 25-летней эмиграции, Далай-лама в своем ежегодном обращении 10 марта 1984 г. говорил:

Когда мы оглядываемся на прошедшие 25 лет с тех пор, как мы ушли в эмиграцию, мы видим, что наше количество – 100 тыс. – невелико. И хотя большинство из этого числа живет в Индии среди миллионов многолюдья, а не рассеяно и поглощено, как вода песком, мы смогли сохранить свою сущность и целостность, живя группами по несколько тысяч. Большинство тибетцев в Индии, Непале и Бутане живут в сельскохозяйственных поселениях, другие зарабатывают различными профессиями, ремеслами и малым бизнесом. Около 2–3 тыс. тибетцев, живущих приблизительно в 30 других странах, успешно зарабатывают на жизнь, как и жители тех государств, в которых они нашли прибежище и помощь. Что касается молодых тибетцев, их обучают предметам нашего культурного наследия с тибетским языком в качестве основы. В то же самое время они получают современное образование, и сегодня молодые тибетцы идут плечом к плечу с образованной молодежью современных, развитых стран. Кроме того, что касается нашей религии и культуры, более тысячи лет назад полное учение Будды, заключающее в себе Махаяну, Тхераваду и Тантраяну, пришло из Индии, а вместе с ним и влияние просвещенной культуры. Тибетцы из поколения в поколение изучали, практиковали и сохраняли его. Эти замечательные традиции Тибета подверглись недавно ухудшению, разрушению и уничтожению. Однако мы в изгнании огромными усилиями собрали, сохранили и опубликовали все священные учения, которые смогли разыскать, мы также создали центры изучения и практики буддизма, где молодые монахи могут изучать сутру и тантру. В результате были заложены твердые основания для сохранения и дальнейшего развития буддизма. Более то-

го, тысячи новых центров были созданы по всему миру, где раньше не было и следа буддизма. И сегодня много образованных людей мира изучают и практикуют буддизм (Dalai Lama, 1986, с. 67–68).

Возвращаясь к тибетским источникам, рассмотрим следующую категорию. Свидетельства беженцев, как, например, собранные в сборнике «Тибет под китайским коммунистическим правлением: сборник свидетельств беженцев, 1958–1975» (Tibet Under Chinese Communist Rule, 1976) представляют иной вид источников, хотя его и объединяют те же самые символы, что и в первой категории. Характерно, что тибетское правительство в изгнании свою информацию целиком основывает на свидетельствах беженцев, несмотря на то, что они не раз подвергались сомнению учеными. Т. Грюнфельд, к примеру, пишет:

Заявления беженцев должны быть изучены с огромной осторожностью. Хотя они, несомненно, содержат долю правды, они подвержены внешнему влиянию и преувеличению вследствие эмоциональной травмы и психологической потребности со стороны беженцев найти оправдание своим действиям для других, и даже для самих себя. Беженцы, особенно в период сразу же после перенесенных испытаний, были дезориентированы, боялись, что их депортируют, и очень хотели бы угодить своим хозяевам. Положение беженцев только усложняет обычную субъективность устных свидетельств, так как воспоминания неминуемо пристрастны в силу неспособности человека увидеть ситуацию вне своего непосредственного опыта (Grunfeld, 1987, с. 143).

По этой причине ученые находят в свидетельствах беженцев огромное количество дубликатов, неподтвержденных и недостоверных утверждений. К источникам из Дхарамсалы также относится книга «Тибет под властью коммунистического Китая – 50 лет» (Тибет, 2001). В этой публикации трудно не отметить плохой перевод на русский язык и издательскую небрежность. Книга претендует на «детальный и исчерпывающий анализ многообразной имперской политики Пекина, направленной на закрепление своей власти над одной из беспокойных провинций расползающейся коммунистической китайской империи» (с. 3). К сожалению, в книге нет никакого детального и исчерпывающего анализа. Политика Пекина представляется в ней в виде непрерывного процесса насилия над тибетцами и делаются соответствующие этому выводы. Можно сказать, что это тибетский вариант пропаганды, причем далеко не лучший. Интересно отметить, что в то время как китайская пропаганда принимается большинством китайцев, за рубежом большинством принимается тибетская¹⁴.

Попытаемся суммировать основные тезисы тибетского вопроса, представленные Дхарамсалой:

1) Статус Тибета. Тибет на протяжении своей 2-тысячелетней истории был независимым государством. Во времена династии Юань (1279–1368) (монголов) и Цин (1644–1911) (маньчжуров) между ламами-правителями Тибета, с одной стороны, и монгольскими ханами и маньчжурскими императорами, с другой, сложились уникальные отношения духовного наставника и светского

¹⁴ На кампании интернационализации тибетского вопроса я остановлюсь более подробно в 6-й главе.

покровителя (mchod-yon), которые полностью утратили свою значимость с падением династии Цин. Подчеркивается также, что данные отношения имели место между тибетцами и монголами/маньчжурами и поэтому китайское правительство не вправе утверждать свою власть над Тибетом, основываясь на этих отношениях. После провозглашения Далай-ламой XIII независимости страны в 1912 г. и ее участия как равного представителя в тройственной (Китай, Англия, Тибет) конференции в Симле 1913–1914 гг. и вплоть до 1951 г. Тибет был полностью независимым государством. Поэтому, с точки зрения правительства Далай-ламы XIV, введение войск Народно-освободительной армии Китая в Тибет в 1951 г. является актом агрессии и незаконной оккупации Тибета.

2) Результаты китайской оккупации. Центральная тибетская администрация и Тибетский молодежный конгресс осуждают национальную политику китайского правительства, целью которой, по их мнению, была насильственная ассимиляция тибетского народа, а конкретным результатом – геноцид, сравнимый с нацистским истреблением евреев¹⁵. По утверждению тибетского правительства в изгнании, китайское правительство через войны, тюрьмы, казни и голод уничтожило 1,2 млн тибетцев¹⁶. В 1950 г., по оценке тибетской диаспоры, в Тибете было 6 млн тибетцев, и такое же количество насчитывалось полвека спустя¹⁷. Цифра в 1,2 млн была озвучена зарубежной прессой и политиками, и ее до сих пор приводят в качестве всеми признанного факта, несмотря на то, что эту цифру опровергли авторитетные западные аналитики¹⁸.

3) Современное положение. Резкая критика проводимой политики центрального правительства КНР. По мнению диаспоры, проводимая политика благоприятствует китайскому государству и ханьским мигрантам, в то время как тибетцы маргинализуются, ухудшается окружающая среда Тибета, исчезает тибетский образ жизни, религия и культура тибетского народа постепенно сходят на нет.

4) Разрешение тибетского вопроса. В первые 20 лет эмиграции (1959–1979) достижение независимости Тибета считалось главной целью в кругах тибетской диаспоры. В настоящее время мнения существенно разделились. В

¹⁵ «Nazis of Asia Set out to Hoodwink the Free World» (www.ibiblio.org/obl/reg.burma/archives/1999710/msg00147.html); «Tibetan Groups in India Protest Lhasa Arrests», United Press International (UPI), May 23, 1993: «...правительство КНР во всех отношениях напоминает нацистский режим, включая... намеренное уничтожение тибетцев, подобно евреям, и организацию концентрационных лагерей по всему Тибету». Далай-лама в интервью Newsweek 8 июля 1985 г. говорил: «Что касается уничтожения и разрушения, я иногда думаю, что нацисты и китайцы одинаковы» (Dalai Lama, 1986, 144).

¹⁶ www.tibet.com/Govt/Intro-tib.html.

¹⁷ Интересно, что часто повторяемую цифру – 6 млн тибетцев в КНР тибетская диаспора ничем не подтверждает. Согласно всекитайским переписям населения, тибетцев в КНР было: 1953 г. – 2753081 чел., 1964 – 2501174, 1982 – 3847875; 1990 – 4593072; 2000 – 5416021. Т. е. количество тибетцев, наоборот, удвоилось. В настоящее время большая часть ученых-тибетологов более склонна доверять китайской статистике.

¹⁸ См. главу 4.

то время как Центральная тибетская администрация стала придерживаться плана срединного пути, заключающегося в обретении полноценной автономии в рамках КНР, Тибетский молодежный конгресс, многие члены тибетского парламента и другие представители тибетской диаспоры не оставляют цели достижения независимости Тибета. По их мнению, независимость возможна, так как КНР может распасться, как Советский Союз, из-за экономических и социальных проблем¹⁹. Среди сторонников независимости есть и те, кто считает, что ради ее достижения возможно применение насилия (Frchette, 2002, с. 166). Тактикой Дхарамсалы на настоящий момент является поддержание кампании интернационализации тибетского вопроса посредством обвинений Китая в нарушении прав человека, с тем чтобы добиться еще большей поддержки у Америки и Запада и заставить Китай быть более уступчивым во время переговоров. Эту тактику можно назвать тактикой выжидания, за фасадом которой, как отмечал М. Голдстейн, «лежит надежда – надежда беженцев на то, что течение истории предоставит им победу, к которой они стремятся, что коммунистический Китай распадется в скором времени, как это было с Цинской династией в 1911 г. и с СССР в 1991 г., и тогда им представится возможность вернуть контроль над Тибетом» (Goldstein, 1997, с. 114).

Можно сказать, построение образа «независимого Тибета» диаспорой также основано на упрощенных символах – старый Тибет как идеальная страна (Шангрила), незаконная оккупация, геноцид, репрессии, насильственная ассимиляция, справедливая борьба за права человека, за свободу и независимость. Симпатии огромного большинства людей в мире лежат на стороне этого образа Тибета. Однако, по нашему мнению, этот стереотип так же, как китайский, построен на политическом мифотворчестве и отрицании истории.

3. Тибетский вопрос на Западе

Как видно, битва представлений между Китаем и тибетской диаспорой, или борьба за право представлять интересы Тибета, очень ожесточенная. Причем обе стороны упорно настаивают на своем видении проблемы. Кто же выигрывает в этой битве представлений? На первый взгляд, кажется, что тибетская диаспора, поскольку ее аргументы выглядят сильнее, Пекин держит оборонительную позицию, Далай-лама пользуется в мире огромным авторитетом, награждение Его Святейшества Нобелевской премией и Золотой медалью Конгресса США – свидетельство признания в мире справедливости борьбы тибетского народа. В этой борьбе сам Запад не посторонний зритель, а теперь уже ее непосредственный участник, а также главное действующее лицо в определении проблемы. Однако большинство на Западе и в мире («друзья Тибета»), не учитывают, что за этой идеологической битвой лежит «реальный» вопрос и «реальная» политика, в конечном итоге определяющие сущность проблемы. Реальный же вопрос состоит в том, что Тибет находится в составе

---

¹⁹ В 2004 г. Кхедруп Тхондуп, племянник Далай-ламы и член парламента в изгнании присоединился к Ли Дэнхуэю для того, чтобы организовать китайское издание книги Росса Тэрилла «Новая китайская империя и ее значение для Соединенных Штатов» (Terill, 2003), в которой автор предрекает распад Китая, в частности, из-за восстаний в Тибете и Синьцзяне (по: Sautman and Dreyer, 2006, с. 18).

КНР, и ни одна страна мира не признает тибетское правительство в изгнании в качестве представителя тибетского народа. А реальная политика состоит в том, что тибетский вопрос используется Западом в борьбе с Китаем, в котором он видит потенциальную угрозу сложившемуся миропорядку. Таким образом, тибетский вопрос на Западе – далеко не однозначное явление. Он представлен весьма влиятельным тибетским лобби, с одной стороны, и независимыми исследователями, с другой.

Так называемое тибетское лобби выступает в поддержку Далай-ламы и тибетской диаспоры на всех уровнях, включая государственный (парламентарный), массовый, научный и, так сказать, правовой. Трибуной этого лобби можно назвать «Тибетский печатный эфир» (Tibet Press Watch) и Интернет-сайт www.savetibet.org. Наиболее репрезентативными документами, представляющими тибетский вопрос со стороны лобби, являются следующие: «Тибетский вопрос и правопорядок, международная комиссия юристов» (The Question of Tibet and the Rule of Law, 1959), «Китай, нарушения прав человека. Узники совести и смертная казнь в Китайской Народной Республике. Международная амнистия, 1984» (China, Violations of Human Rights, 1984), «Китайская Народная Республика, репрессии в Тибете, 1987–1992. Международная амнистия, 1992» (People's Republic of China, Repression in Tibet, 1987–1992), а также многочисленные резолюции американского Конгресса, парламентов западных стран и Евросоюза.

Огромную популярность во всем мире заслужила книга Джона Аведона «В изгнании из Страны Снегов» (Avedon, 1984). Лос-Анджелес Таймс назвала его работу «самой значительной документальной книгой сезона. Что сделал Александр Солженицын для Советского Союза, то сделал Джон Аведон для Тибета». Основанная на глубинных интервью с Далай-ламой и тибетскими эмигрантами, книга представляет устрашающую картину подавления тибетцев китайским режимом. Представляющими тибетцев и исполненными к ним глубокого сочувствия и симпатии являются книги Джорджа Паттерсона (Patterson, 1959) и Мишеля Пейселя (Peissel, 1972). Широко известная книга датского юриста по международному праву, советника Далай-ламы – Михаэля ван Уолт ван Праага «Статус Тибета. История, права и перспективы в международном праве» (Praag, 1987) доказывает, что Тибет, согласно международному праву, является незаконно оккупированным независимым государством. К этому списку я отнесла бы и работу Уоррена Смита «Тибетская нация. История тибетского национализма и сино-тибетские отношения» (Smith, 1996), в которой автор выступает в поддержку права тибетцев на самоопределение и независимость, считает, что китайское правление в Тибете равноценно империалистическому господству и представляет собой преступление культурного геноцида.

Можно сказать, что позиция тибетской диаспоры и ее сторонников, в основе которой лежат такие понятия, как право наций на самоопределение и права человека, относится к пространству «идеального», не учитывающего реальную совокупность всех факторов. Как повсюду отмечают исследователи, кампании за права человека приносят удовлетворение тем, кто их проводит, политических же результатов они приносят мало. Они не помогают разрешить

проблему или хотя бы смягчить позицию центральных властей КНР, а, напротив, подрывают позиции сторонников этнически направленной политики и идут на руку приверженцам жесткой линии решения тибетского вопроса.

В противовес «идеальному» существует так называемый «реальный вопрос», или понимание мира как глобального порядка, в котором господствуют доминирующие силы, одни ценности имеют привилегии над другими, реализм довлеет над идеализмом, имеющие государственность довлеют над теми, у кого ее нет. Американский антрополог А. Маунткасл пишет по поводу растущей критики в адрес стратегии прав человека:

Реалистическая концепция, в рамках которой оценивается стратегия прав человека, считается образцовой и поэтому не считает идеи прав человека частью реальной политики и законным политическим средством. Критика политики прав человека должна быть сама тщательно исследована. В мире, придерживаемом глобального политического порядка, в котором привилегии отданы государствам как субъектам международного права, государственной суверенности, корпоративным интересам, и в котором существует пристрастие к целесообразности и собственным интересам, попытки лишить законности (или экспроприировать) одну из нескольких жизнеспособных альтернатив, доступных маргинализированным и подвергнувшимся жестокому обращению людям, должны быть критически рассмотрены и не должны приниматься со слепой преданностью и шаблонными реверансами в сторону риторики реализма (Mountcastle, 2006, с. 99–100).

С этой позицией трудно не согласиться. Тем более, что А. Маунткасл справедливо полагает, что стратегия прав человека позволяет тибетской диаспоре и ее сторонникам участвовать в глобальной политике, так как тибетцы были исторически маргинализированы от принятия решений по тибетскому вопросу, по крайней мере, с начала 1900-х гг.

Стратегия прав человека, принятая на вооружение тибетской диаспорой, оказалась действенной инициативой для обретения поддержки тибетского вопроса по всему миру и, безусловно, является ее законным правом. Но нельзя не отметить, что многие ее положения не выдерживают критики при ближайшем рассмотрении. Эмоции, популизм, преувеличения, использование «горячего» материала, свойственные для кампаний прав человека, еще больше обостряют вражду. Более того, вовлечение США и Запада имеет серьезные негативные последствия: оно заставляет верить неискушенных тибетцев в то, что США поможет Тибету, и поощряет тем самым их противостояние Китаю (Goldstein, 1997, с. 122). А между тем у Запада нет стратегических интересов в Тибете, и Китай является стратегическим партнером США. Поэтому вполне возможно очередное «предательство» интересов Тибета, как это уже произошло один раз после «хождения» Генри Киссинджера в Китай. «В результате миллионы тибетцев в Китае оказываются в проигрыше» (Grunfeld, 2006, с. 338).

И «идеальная», и «реальная» парадигмы тибетского вопроса являются двумя крайностями. Можно сказать, что поисками «середины» в освещении истории и современных процессов занимаются многие ученые-тибетологи. Но среди довольно большого количества работ, посвященных современному Тибету,

число основательных совсем невелико. Среди таких работ особо выделяются труды американского антрополога Мелвина Голдстейна. Его работа «История современного Тибета, 1913–1951» (Goldstein, 1989) стала поворотной вехой современной историографии Тибета, а книга «Снежный лев и дракон. Тибет, Китай и Далай-лама» (Goldstein, 1997) является, пожалуй, самым объективным и научно обоснованным анализом сино-тибетских взаимоотношений из когда-либо предпринятых. Совсем недавно, в 2007 г., в свет вышел II том «Истории современного Тибета. Затишье перед бурей, 1951–1955» (639 с.) (Goldstein, 2007), в котором автор тщательнейшим образом анализирует этот непростой отрезок тибетской истории. Среди многочисленных трудов М. Голдстейна необходимо упомянуть исключительно важную работу, проливающую свет на многие темные пятна современной истории Тибета, – «Тибетский революционер. Политическая жизнь и время Баба Пунцо Вангье», которую он завершил совместно с Давэй Шерапом и Вильямом Сибенчухом (*A Tibetan Revolutionary*, 2004). Написанная от лица самого Пунцо Вангьяла, эта книга – результат многолетних интервью и бесед М. Голдстейна со знаменитым тибетским революционером, переводчиком и ученым.

Работа Джун Дрейер «Сорок миллионов Китая» (Dreyer, 1976) стала, подобно трудам М. Голдстейна, классикой для тех, кто занимается проблемами национальных меньшинств КНР. Основанная на китайских источниках, книга представляет собой всесторонний анализ национальной политики китайского правительства. Надо сказать, труды М. Голдстейна и Д. Дрейер впечатляют как своим содержанием, так и методом исследования, основанном на глубоком понимании предмета и беспристрастном научном анализе. Под редакцией Джун Дрейер и Варри Саутмана в 2004 г. вышел сборник под названием «Современный Тибет. Политика, развитие и общество в оспариваемом регионе» (*Contemporary Tibet*, 2006), в котором собраны статьи ведущих экспертов по тибетскому вопросу. Эта книга – еще один достойный образец современных тибетологических исследований.

Большого внимания заслуживают труды ученых тибетского происхождения – Церина Шакьи и Дава Норбу. Книга Ц. Шакьи «Дракон в Стране Снегов. История современного Тибета с 1947 г.» (Shakya, 1999) является на настоящий момент самым полным изложением современной истории Тибета с 1947 г. В своей работе Ц. Шакья использовал огромный круг источников, ее отличает объективный анализ проблем Тибета и критическое отношение к источникам из Дхарамсалы. Из-под пера тибетского ученого Дава Норбу вышло большое количество статей и книг по Тибету. В 2001 г. была опубликована его работа «Политика Китая в Тибете» (Norbu, 2001) – результат его многолетних изысканий. В ней автор анализирует историю сино-тибетских отношений начиная с самых истоков, поднимает вопросы международной политики и будущего Тибета.

В изучении тибетской современности нельзя обойти вниманием труды Роберта Варнетта и Рональда Шварца. Р. Барнетт – известный правозащитник, руководитель Тибетской информационной сети, вносит огромный вклад в борьбу тибетцев за их права, в освещение современного положения в Тибете. В своих работах (напр.: Barnett, 1994) он использует самый первичный материал из Тибета, поэтому они всегда отличаются остротой постановки пробле-

мы и глубиной анализа. Кстати сказать, руководимый им Интернет-сайт <http://www.tibetinfonet.net> является, на мой взгляд, самым объективным источником информации по современному положению в Тибете. Необходимо также отметить исключительно важное издание, сделанное Тибетской информационной сетью. Это публикация и перевод знаменитой петиции Панчен-ламы Х (A Poisoned Arrow, 1997). Что касается канадского тибетолога Р. Шварца, то он лично наблюдал тибетские демонстрации 1987 г., поэтому его книга «Круг протеста. Политический ритуал тибетского восстания» (Schwartz, 1994) является наиболее полным описанием и анализом актуальной проблемы современных тибетских протестов.

Вышеупомянутые работы дают известное представление об уровне развития западной тибетологии. В российской же тибетологии пока иная ситуация. Обстоятельная монография тибетолога и китаевода В. П. Богословского «Тибетский район КНР» (Богословский, 1978) является, пожалуй, единственной отечественной книгой, посвященной современному положению Тибета (до конца 1970-х гг.). Следует также отметить такие интересные книги, как «...и страна зовется Тибетом» А. Д. Цендиной (Цендина, 2002), «История Тибета с древнейших времен до наших дней» Е. И. Кычанова и Б. Н. Мельниченко (Кычанов, Мельниченко, 2005), «Дхарамсала и мир тибетской эмиграции» И. С. Урбанаевой (Урбанаева, 2005), «Тибет в политике царской, советской и постсоветской России» А. И. Андреева (Андреев, 2006), в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы современного Тибета. Национальная политика китайского правительства рассмотрена в работах ученых-китаеведов А. А. Москалева (Москалев, 1989), К. А. Егорова (Егоров, 1989), Д. А. Жоголева (Жоголев, 1994). В освещении тибетского вопроса и его современного состояния необходимо отметить журнал «Буддизм России», издаваемый в Санкт-Петербурге А. А. Терентьевым. В нем приводятся последние тибетские новости по обе стороны Гималаев, дается перевод выступлений Его Святейшества Далай-ламы и других тибетских деятелей эмиграции, публикуются статьи и комментарии политиков и ученых. Этими работами, в сущности, и ограничивается круг отечественных работ, посвященных современному Тибету. Такую ситуацию едва ли можно назвать удовлетворительной.

Оглавление

Предисловие.....	4
Введение. Тибетский вопрос: борьба за право представительства (обзор литературы)	9
1. Китайские источники.....	9
2. Тибетские источники.....	23
3. Тибетский вопрос на Западе.....	27
Глава 1. Инкорпорация Тибета в состав КНР (1949–1951)	32
1. Тибет до «мирного освобождения».....	32
2. Соглашение из 17 пунктов о «мирном освобождении» Тибета.....	44
3. После подписания Соглашения.....	60
Глава 2. Исполнение Тибетом и Китаем Соглашения из 17 пунктов (1951–1959)	68
1. Курс «осмотрительного внедрения».....	68
2. Сотрудничество в рамках Соглашения.....	78
3. Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района.....	84
4. Рост напряженности в Тибете.....	86
5. Далай-лама посещает Индию.....	89
6. Движение кхампа «Четыре реки, шесть пиков».....	94
7. Тибетское восстание и бегство Далай-ламы.....	99
Глава 3. «Демократические» реформы в Тибете (1959–1966)	109
1. Тибетский вопрос в ООН.....	109
2. «Демократические» преобразования.....	116
3. Реформа буддийской церкви.....	126
4. Панчен-лама и период урегулирования.....	131
5. Создание Тибетской автономии.....	146
Глава 4. «Культурная революция» (1966–1976)	156
1. «Культурная революция»: 1966–1968 гг.....	158
2. «Культурная революция»: 1969–1976 гг.....	170
Глава 5. Реформы в Тибете: стабильность и/или развитие? (1976–2001)	178
1. Стратегия реформ: четыре форума ЦК по работе в Тибете.....	178
2. Экономическая политика.....	184

---

3. Религиозная ситуация.....	196
4. Образование и культура.....	208
Глава 6. Сино-тибетский диалог: проблемы и перспективы.....	219
1. Первый раунд (1980–1987).....	219
2. Интернационализация тибетского вопроса.....	226
3. Противостояние.....	234
4. Продолжение диалога и новая конфронтация.....	244
5. 2008 год – хроника событий.....	247
Глава 7. Тибетская автономия: реальность и будущее.....	263
1. Китайская модель автономии.....	263
2. Тибетские кадры.....	268
3. Модели автономии Далай-ламы и китайских диссидентов.....	273
4. Концепции автономии и этнических взаимоотношений в Китае.....	276
Заключение.....	294
Литература.....	296
Указатель имен и географических названий.....	310

Ирина Регбиевна Гарри

**Буддизм и политика в Тибетском районе КНР
(II половина XX – начало XXI в.)**

Научное издание

Печатается по решению ученого совета
Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Тематический план выпуска изданий СО РАН на 2009 г., № 162

Художник Д. Т. Олоев
Редактор Э. Ц. Цыбенова
Верстка и макет – *Н. В. Богданова*

Подписано в печать 02.11.2009. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура AGVengaly.
Усл. печ. л. 25,8. Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 500. Заказ № 50.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Обложка отпечатана и брошюровочно-переплетные процессы
произведены в ОАО «Республиканская типография»
670000 г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.